Анна Вишиванюк

Украинизаторские процессы в Православной церкви в межвоенной Польше

Anna Vishivanuk

Ukrainization within the Orthodox Church in the Interwar Poland

Anna Vishivanuk — Junior Research Fellow at the Department of Contemporary History of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities (Moscow, Russia). avishivanuk@gmail.com

In 1920-1930s the West Ukrainian areas, Galicia and Volhynia, incorporated into the independent Poland (the Second Rzeczpospolita) according to the 1921 Riga peace treaty, became the centre of the Ukrainian national movement. However the political activity of the Ukrainian nationalists was strongly limited by the Polish government. One of the few organizations of the Ukrainian people, capable to maintain social activity, was the Church. In Galicia the Ukrainian Greek Catholic Church traditionally supported the Ukrainian national movement. By contrast, in Volhynia, where the Ukrainians belonged to the Orthodox Church in Poland, the population was generally apolitical and showed no interest in the Ukrainian nationalism. This paper explores the dynamic of growing Ukrainization efforts within the Church, starting with individual initiatives of using the Ukrainian language in worship and ending up with appearance of bishops who promoted the idea of Ukraine's political and ecclesiastical independence.

Keywords: Orthodox Church in Poland, Ukrainization, autocephaly, Ukrainian national minority, Ukrainian national movement, Polish assimilation, Catholicization.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта «Христианские церкви Восточной Европы в период Холодной войны: публично-правовое положение и международная активность» № 14-01-00 488а.

В 1918 г. в результате послевоенного переустройства Европы было возрождено польское государство. По настоянию польских политиков с целью противостояния германской угрозе к Польше в декабре 1919 г. была присоединена Восточная Галиция, которая, как считалось, могла представлять опасность для Европы в силу достаточно сильно развитого украинского национализма с германофильским акцентом[1]. Восточной польской границей стала линия бывшей русско-австрийской границы по реке Буг. В марте 1921 г., после польско-советской войны, по Рижскому мирному договору к польскому государству также была присоединена большая часть Волынской губернии и Полесье. Таким образом, в восточных областях Польши (Галиция, Волынь, Полесье и Холмщина[2]) проживало большое число украинцев, достигавшее в среднем до 70% населения[3]. По вероисповедному признаку местное население в Галиции было преимущественно униатским, на Волыни, Полесье и Холмщине — в основном православным. В целом Православная церковь в Польше насчитывала от 3,8 до 5 млн. человек и состояла на 65% из украинцев; оставшаяся часть — белорусы, русские, небольшое число поляков и литовцев[4]. Самая плотная сеть приходов Православной церкви в Польше существовала на северо-восточной границе Второй Речи Посполитой[5].

Конституция Польского государства 1921 г. гарантировала национальным меньшинствам равные гражданские права, свободу

1. *Сивіцький М.* Історія полько-українських конфліктів: В 3 т. Київ: Видавництво ім. О. Теліги, 2005. Т. 1 С. 49–50.
2. Холмщина — этнически украинский регион, находящийся под властью Польши с конца XIV века (в период разделов Польши Холмщина входила в состав Царства Польского Российской Империи, после Первой мировой войны в 1919 г. этот регион снова был включен в состав Польского государства).
3. Medrzecki, W. (1988) *Wojewodztwo wolynskie 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, spolecznych i politycznych*, p. 86. Wroslaw etc.: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich Press.
4. Населеніе Польши по вероисповеданію въ 1931 г. // Міненко Т, прот. Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945): В 3 т. Вінніпег-Львів: Львівский музей історії релігії «Логос», 2000. Т. 1. С. 51; *Шкаровский М. В.* Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг.: [Сб. докум.]. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2003. С. 11; *Николаев К.* Правовое положение Святой Автокефальной Православной Церкви в Польше. Варшава: Синодальная типография, 1927. С. 5.
5. В начале 1920-х гг. Польская православная церковь входила в юрисдикцию Русской православной церкви, а с 1924 г. получила автокефальный статус на основании Томоса Константинопольского патриарха.

вероисповедания и использования родного языка в общественной жизни, возможность обсуждения вопроса о независимости своих территорий, а также создания территориального самоуправления[6]. Однако статус украинского и белорусского населения в Польше как нацменьшинств был не вполне определен, поскольку польские власти придерживались мнения, что украинцы и белорусы в действительности являются поляками, которые были русифицированы российским царским режимом. В связи с этим последние подлежали полонизации, и в течение всех последующих двадцати лет польские власти с большей или меньшей интенсивностью проводили относительно данной группы населения соответствующую политику.

Тем не менее именно эти украинские области, вошедшие в состав польского государства, в 1920–1930-е гг. становятся центром развития украинской национальной жизни. В начале 1920-х гг. из занятого большевиками Киева и других городов Украины в Галицию и на Волынь переселяются многие из тех, кто участвовал в 1917–1919 г. в создании Украинского государства и украинской церковной автокефалии. Если в Галиции украинское национальное движение имело богатую предысторию и теперь обогатилось новыми деятелями из центральной Украины, то для Волыни это явление было почти неизвестным. В послевоенные годы усилиями ряда активистов здесь начало активно развиваться украинское национальное движение, которое было сосредоточено в нескольких центрах: Владимире-Волынском, Луцке, Кременце.

Вначале украинские активисты столкнулись со слабым восприятием волынским населением национальных идей, что они объясняли специфической социальной структурой: 90% украинского населения Волыни проживало в сельской местности, к интеллигенции относился только 1% украинцев, что и было причиной политической инертности[7]. Поэтому украинские националисты ставили во главу угла воспитание национального самосознания и политизацию украинского населения Волыни. С этой целью создавались украинские газеты («На варті», «Українська нива» и другие), организовывались украинские братства (довольно быстро в волынских городах открылись филиа-

6. *Сивіцький М.* Історія полько-українських конфліктів. С. 65.

7. *Смирнов А.* Мстислав (Скрипник): громадсько-політичний і церковній діяч 1930–1944. Київ, 2009. С. 54.

лы галичской общественной организации «Просвіта») и украинские школы[8].

В религиозной сфере украинская интеллигенция продвигала идею украинизации церковной жизни. Еще в январе 1918 года в Житомире было организовано Братство Святого Спаса, которое одной из своих целей ставило введение украинского языка в богослужение, но в условиях войны деятельность братства не получила развития, и оно было закрыто. Его бывшие члены продолжили свою работу во Владимиро-Волынском духовном управлении (А. Ричинский, И. Огиенко, А. Лотоцкий — два последних вскоре переехали в Варшаву)[9]. Кроме указанных лиц активное участие в украинизации церковной жизни принимали также М. Тележинский и И. Власовский. Все они были учителями (А. Ричинский, кроме того, работал врачом), занимались исследованиями по истории Украины и ее культуры, развивали общественную деятельность украинизаторского характера. Являясь в большей степени общественными деятелями, нежели политическими[10], они интересовались церковным вопросом потому, что происходили из священнических семей и получили богословское образование[11]. В то же время трудно отделить проводимую ими культурно-просветительскую линию от политической, поскольку украинизация имела своей целью не только культурное воспитание, а также распространение украинской национальной идеи в православной среде, но имела откровенно антироссийскую направленность. Это подтверждалось наименованием украинизаторской кампании, которое, как правило, не использовалось в официальных документах, но часто звучало в пропагандистских речах и во внутреннем употреблении: «розмосковлення церкви»[12].

8. *Кралюк П.* Аристократ духу. Арсен Річинський як мислитель і громадський діяч 10.01.2008 г. [http://www.simya.com.ua/articles/45/8106, доступ от 12.03.2014].

9. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945): В 3 т. Вінніпег-Львів: Львівский музей історії релігії «Логос», 2000. Т. 1. С. 63.

10. Только И. Огиенко и А. Лотоцкий в 1917–1920 гг. занимали в разных украинских правительствах определенные посты, которые, как правило, были связаны либо с религиозной, либо с образовательной сферой.

11. Кроме И. Огиенко все указанные лица происходили из семей священнослужителей и церковнослужителей и получили духовное образование.

12. *Біднов В.* Справа розмосковлення богослуження // Релігійно-науковий вістник. 1921. № 1. С. 8; *Борщевич В. Т.* Українська православна церква на Волині у 20–40-х рр. XX ст. Автореф. дис. канд. іст. н. Луцьк, 2000. С. 10.

Этот термин обозначал избавление церкви от всего, что имело московское (российское) происхождение.

После установления польской власти одной из первых акций указанных выше лиц стало проведение в октябре 1921 г. в Почаеве Съезда духовенства и мирян Волыни. На съезде был принят ряд постановлений, которые постепенно вводили украинский язык в школьное преподавание Закона Божия и церковное делопроизводство. В богослужении рекомендовалось использовать украинское произношение. Говорилось и о необходимости перевода Священного Писания на украинский язык. Также было благословлено издание Волынского епархиального журнала на украинском языке (начал выходить 1 января 1922 г. в г. Кременце под названием «Православна Волынь»). Решающую роль в осуществлении данных постановлений сыграли представители Владимиро-Волынского управления[13]. 14 декабря 1922 г. Священный Синод Польской православной церкви утвердил постановления Почаевского съезда[14]. Еще через два года на Синоде было принято очередное решение о праве верующих выбирать язык богослужения, проповеди и религиозного образования[15]. Вопросы языка были центральными в этот период. Следует, однако, отметить, что на практике данные решения применялись редко[16].

Ход процесса церковной украинизации во многом определялся отношением к нему православной иерархии, приходского духовенства и самих верующих. Позиция польской православной иерархии в данном случае была противоречивой в течение всего периода Второй Речи Посполитой и зависела от противодействия со стороны влиятельной в Варшаве пророссийской общественности (о которой будет сказано ниже), от растущего влияния партии украинской интеллигенции, а также от позиции польских властей, которая время от времени менялась.

В частности, первое постановление Синода 1921 г. о частичном применении украинского языка в церковной жизни было принято при митрополите Варшавском Георгие (Ярошевском).

13. *Власовський І.* Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. Київ, 1995. Т. 4. С. 32; *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 53–54.

14. *Цыпин В.*, прот. История Русской Церкви (1917-1997). М., 1997. Т. 9. С. 230.

15. *Міненко Т, прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 60.

16. Там же. С. 60

При нем же в 1922 г. был рукоположен первый в Польской православной церкви епископ-украинец — Алексий (Громадский), что позволяет украинским историкам видеть в митрополите Георгие сторонника украинизации. При этом они находят подтверждение своему предположению о том, что москвофильская интеллигенция относилась к последнему крайне отрицательно, чем даже объясняли причину убийства митрополита Георгия, совершенного архимандритом Смарагдом (Лятышенко) — яростным противником всякого украинства[17].

Украинские историки положительно оценивают роль в процессе украинизации и следующего главы Польской православной церкви — митрополита Дионисия (Валединского)[18]. Однако такая оценка не согласуется с теми претензиями, которые в его адрес выдвигали украинские националисты в 1930-е гг., предлагая ему как «москалю» убраться прочь из Волыни[19]. Кроме того, если внимательно присмотреться к позиции российской интеллигенции, то становится очевидным, что негативное отношение москвофильских кругов к обоим варшавским митрополитам было связано в первую очередь с их угоднической позицией по отношению к польским властям, которые, как известно, целенаправленно стремились вывести православную церковь в Польше из-под влияния Москвы, используя в том числе и сепаратистские настроения украинофильских церковных кругов[20].

Пророссийская общественность реагировала на украинизаторское движение резко и крайне отрицательно. Решение почаевского съезда 1921 г. о введении украинского языка в церковный обиход было воспринято российской интеллигенцией «как начало всех бед в Церкви»[21]. А. Свитич, один из представителей российской околоцерковной интеллигенции Варшавы того времени, писал по этому поводу: «На этом Съезде были заложены первые

17. *Рожко В.* Новітні мученики Святого Українського православ'я на історичній Волині (XX ст.). Луцьк, 2010. С. 67–69. *Власовський І.* Нарис історії Української Православної Церкви. Т. 4. С. 19–21.

18. *Рожко В.* Новітні мученики Святого Українського православ'я на історичній Волині (XX ст.). С. 70–72.

19. Во время митинга в Почаевской лавре в 1933 г. толпа скандировала митр. Дионисию: «Геть в Москву!» — *Огієнко І.* Моє життя // Наша культура. 1935. № 7. С. 19.

20. *Свитич А.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии (1917–1950). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 34.

21. Там же.

камни разделения Церкви, а именно — было признано своевременным украинизировать Церковь путем замены имевшего тысячелетнюю традицию церковно-славянского богослужебного языка языком разговорным — украинским»[22]. Интересно, что русской общественностью эта украинизаторская акция воспринималась как начало разделения, как стремление к церковной автокефалии. Своей первостепенной задачей москвофильская «партия» считала сохранение единства между православной церковью в Польше и Российской православной церковью. Забегая несколько вперед, отметим, что в Польше в российской среде получение польской иерархией статуса автокефалии от Константинопольского патриарха (без согласия Московского патриархата) в 1924 г. считали искусственным шагом, направленным на отделение от Российской церкви. При этом москвофилы рассматривали в качестве угрозы для единства православной церкви как польское правительство, так и украинских националистов. По мнению А. Свитича, Польская православная церковь «стала объектом для всевозможных экспериментов не только со стороны правительственной власти, но даже и отдельных национальных меньшинств. В этом отношении главная роль принадлежала украинцам, главным образом проживавшим на Волыни, пытавшимся сделать Церковь орудием национально-политической борьбы»[23]. В течение всего периода Второй Речи Посполитой пророссийски настроенные круги противодействовали введению украинского языка в церковную жизнь, которое воспринималось как проявление сепаратизма. Среди соответствующих организаций русских эмигрантов были как церковно-общественные («Православный церковный совет» в Варшаве во главе с Н. Серебренниковым), так и политические («Общество российских эмигрантов в Польше», «Русский комитет в Варшаве», эсеровская группа, образовавшаяся вокруг газеты «За Свободу», «Российское народное объединение»). Последние, как правило, в этом идеологическом противостоянии руководствовались скорее политическими соображениями, отождествляя единство церковное, во всех его проявлениях, с единством народным: единая православная церковь являлась для них гарантом целостности «триединого русского народа». Тем не менее очевидно, что и представители пророссийски настроенной

22. Там же.

23. Там же. С. 35.

околоцерковной общественности в своих действиях не были лишены политических амбиций[24].

Следует отметить, что многие из православных епископов в Польше в первую половину 1920-х годов откровенно не одобряли украинизацию церкви. Среди них: архиепископ Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский), епископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский), епископ Гродненский Владимир (Тихоницкий) и епископ Сергий (Королев). Однако последние из-за критики проправительственного курса высшей православной иерархии вскоре было устранены польскими властями от управления своими епархиями[25].

Что касается рядовых священников Волыни, то большинство, будучи выходцами из народа, хоть и разговаривали на украинском языке и жили в соответствии с местными украинскими духовными и бытовыми традициями, были политически индифферентны и далеки от украинской национальной идеи. Это подтверждают воспоминания профессора Волынской духовной семинарии протоирея Филимона Кульчинського: «Волынское духовенство по своей природе было украинским. Это было стихийное украинство, более глубокой национальной сознательности наши отцы не проявляли, украинство у них и у нас, их детях, проявлялось в том, что мы говорили украинским языком, нашим родным. Вся жизнь священнических семей, семейно-бытовое [семейные и бытовые традиции в священнических семьях. — *А. В.*], как и у волынского крестьянства, были исключительно украинскими. Русификаторское влияние сюда не достигало. Крепко сохранились украинские традиции — церковные и народные»[26]. Очевидно, именно данную группу украинского духовенства поляки в своих отчетах характеризовали как аполитичную, относящуюся к автокефалии понимающе, а к власти — лояльно[27].

Были среди духовенства и убежденные москвофилы, по своим политическим взглядам — монархисты, которые враждебно относились и к автокефалии Православной церкви в Польше (чего

24. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 239.

25. Еп. Пантелеимон (Рожновский) был отправлен на покой в Мелецкий монастырь; еп. Владимир (Тихоницкий) и еп. Сергий (Королев) по распоряжению властей были высланы в Чехословакию, а архиеп. Елевферий (Богоявленский) — в Литву.

26. *Кульчинський Ф.* Дещо з життя Волинського духовенства в першій чверті XX століття. Спогади // Український православний календар на 1965 рік. Бавнд Брук, 1964. С. 111–117 (перевод с укр. яз. — А. Вишиванюк).

27. Государственный архив Ровенской области (ГАРО). Ф. 33, Оп. 4, Д. 1, Л. 199.

желали власти), и к украинизаторскому движению. На Волыни наиболее активным представителем этого крыла являлся архимандрит Дамаскин (Рудык) из Почаевской лавры[28].

Существовала также третья категория клириков, которые разделяли идеи украинизации, сами в ней активно участвовали и вступали в контакты с украинскими политическими кругами. Местом украинской агитации среди духовенства с середины 1920-х был монастырь в Загайцах, которым руководил архимандрит Поликарп (Сикорский). Его деятельность распространялась далеко за стены монастыря[29].

Новый виток развития украинизаторского движения в православной церкви на Волыни имел место после получения Польской православной церковью статуса автокефалии, дарованной Томосом Константинопольского патриарха Григория VII в 1924 г. Эта автокефалия была воспринята украинскими политическими силами и некоторыми представителями православной иерархии как ступень к образованию независимой украинской церкви. В частности, об этом позже, в 1942 г., писал митрополит Алексий (Громадский), который был членом польской делегации в Константинополе[30]. Также украинскими националистами уже во время немецкой оккупации Польши польская автокефалия (хотя ее статус с конца 1939 г. был отличен от статуса, полученного в 1924 г.) воспринималась как украинская автокефалия. Так, в октябре 1940 г. один из представителей бандеровского движения благодарил руководителя германской службы «Восток» «за помощь, которую он оказал Украинской церкви в генерал-губернаторстве при учреждении ее автокефалии»[31]. Такие взгляды отчасти были связаны с теми обоснованиями польской автокефалии, которые содержались в патриаршем томосе, где говорилось о преемственной связи Варшавской митрополии с древней

28. ГАРО. Ф. 33, Оп. 4, Д. 1, Л. 107.

29. Там же.

30. Выдержка из письма 1942 г. митр. Алексия (Громадского) к еп. Поликарпу (Сикорскому): «Необходимо позаботиться о таких путях, которые позволили бы иметь нашему народу законную и каноническую автокефалию... Если бы существовала автокефалия Варшавская, я также, как и раньше, отстаивал бы ее независимость от Москвы, ибо я не изменился, изменились обстоятельства, которые для блага нашей Церкви (в тексте имеется в виду Украинская Церковь. — *А. В.*) требуют иных путей». ГА РО. Ф. Р-281, Оп. 1, Д. 17, Л. 44. Открытое письмо митр. Алексея (Громадского) к еп. Поликарпу (Сикорскому), 1942 г. (перевод с укр. яз. — *А. В.*).

31. Цит. по: *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 139.

Киевской митрополией (последняя в XVII в. была присоединена к Московскому патриархату якобы с нарушением канонов)[32]. Также немаловажную роль играл тот факт, что абсолютное большинство верующих в Польской православной церкви составляли украинцы. Из 1300 приходов 760 находились в Волынской епархии и еще 298 — в Полесской епархии (она охватывала как часть белорусских, так и часть украинских районов)[33].

После провозглашения автокефалии Православной церкви в Польше, со второй половины 1924 г., в украинизаторское движение активно включаются украинские политические партии. Требования политиков к церковным властям все время расширялись, а выступления приобретали характер политических акций. Одними из первых общественно-политических объединений, которые занялись украинским вопросом применительно к Польской православной церкви, были «Українська парламентарна репрезентація» (УПР) и «Просвіта» (их центры находились в Галичине).

С целью привлечения интереса широкой украинской общественности к проблемам церковной украинизации эти объединения проводили съезды украинской околоцерковной интеллигенции. Одним из первых мероприятий такого рода стал съезд в г. Ровно в сентябре 1926 г., на котором присутствовали представители украинских культурно-просветительских организаций Волыни, Полесья, Холмщины и Галичины. По предложению Арсения Ричинского съезд принял решение о создании в поветах (средняя административно-территориальная единица в Польше, объединяющая гмины) церковных комитетов в качестве церковных секций при отделениях «Просвіти». Эти комитеты должны были руководить в поветах процессом украинизации церкви, а также сотрудничать между собой с целью создания Волынской церковной украинской рады. Последняя, в свою очередь, должна была взять на себя охрану интересов «национальной церкви» как одной из главных воспитательных и просветительских сил украинского народа[34].

Спустя год, 5–6 июня 1927 года, в Луцке по инициативе и при прямом содействии УПР, но без благословения высшей церков-

32. *Свитич А.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 122–123.

33. Центральный государственный исторический архив г. Львова (ЦГИАЛ). Ф. 408, Оп. 3, Д. 777, Л. 67 об. Высокопреосвященный Георгий, Митрополит Варшавский и всея Православной Церкви в Польше // Виленские епархиальные ведомости. 1922 г.

34. *Альошина О.* Участь Арсена Річинського у русі за українізацію Православної церкви // Історія України. 2010. № 3. С. 30.

ной власти был организован «Съезд православных мирян-украинцев по церковным делам», который выдвинул несколько требований Синоду:

1. возобновить «основы соборности»[35];
2. разрешить украинскому населению использовать украинский язык в богослужении;
3. возродить «древние украинские церковные обычаи и обряды, отмененные российской духовной и царской властями», а также украинизировать внутреннее церковное делопроизводство;
4. назначить на три епископские кафедры, которые находятся на территории с украинским населением, епископов-украинцев;
5. реорганизовать «духовные Консистории и уездные благочиния, которые до сих пор являются рассадниками русификации».

Луцкий съезд избрал Украинский церковный комитет (УЦК), председателем которого стал А. Ричинский, а его заместителем — Иван Власовский. Комитет занимался организацией таких же народных съездов по церковным вопросам в других уездах и городах. Было начато издание печатного органа комитета — журнала «Рідна Церква» (вышло только два номера)[36].

В ответ на Луцкий церковный съезд в июне того же года в Почаеве было проведено Волынское епархиальное собрание, на котором присутствовали митрополит Дионисий, а также представители организации «Российское народное объединение». Собрание осудило Луцкий съезд мирян и приняло решение о прекращении украинизации церковных обрядов. Также было высказано предложение обратиться к польскому правительству с просьбой о том, чтобы обучение молодого клира в Кременецкой семинарии осуществлялось исключительно на русском языке[37]. Консервативное духовенство неодобрительно отнеслось к требованиям

35. «Основы соборности» (или т. н. «соборноправность») предполагали участие белого духовенства и мирян наряду с архиереями в решении церковных вопросов.

36. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 69–73; *Кралюк П.* Аристократ духу. Арсен Річинський як мислитель і громадський діяч. 10.01.2008 г. [http://www.simya.com.ua/articles/45/8106, доступ от 12.03.2014].

37. *Альошина О.* Участь Арсена Річинського у русі за українізацію Православної церкви. С. 30; *Біланич І.* Еволюція Української Православної Церкви в 1917–1942 роках: автономія чи автокефалія. Львів: Астролябія, 2004. С. 161.

«обновленческого духа», выразив свою позицию следующим образом: «Главная опасность от украинского съезда и его последствий лежит не в одной украинизации церкви, а в желании вместе с украинизацией провести в церковную жизнь чуждую для церкви необходимость „соборноправности“»[38]. С целью приостановить «революционную» деятельность УЦК в апреле 1929 года Синод Православной церкви в Польше отлучил А. Ричинского (спустя год церковные прещения с него были сняты)[39].

По мнению украинского историка И. Биланича, в это время в Польской православной церкви назревал раскол между сторонниками украинизации и консервативными москвофилами, однако до этого не дошло из-за внешних обстоятельств. Начавшиеся процессы экспроприации православных храмов, организованные польским католическим епископатом, сблизили и объединили обе стороны в общих действиях по защите православных церквей. Об этом свидетельствовало состоявшееся 1 июля 1928 г. собрание исполнительного комитета Луцкого конгресса под председательством митрополита Дионисия, по итогам которого православному духовенству было разослано послание, где сообщалось, что не существует никаких догматических или канонических препятствий для совершения богослужения на любом другом языке помимо церковнославянского. Также на собрании Варшавский митрополит дал обещание назначить для украинских верующих епископа украинской национальности[40]. Однако, как отмечает И. Биланич, в первое время дальше обещаний дело украинизации не продвигалось, поскольку митрополит каждый раз находил возможность назначать на ведущие посты в Польской православной церкви кандидатов консервативного направления.

Тем не менее в конце 1920-х гг. во Владимиро-Волынской, Ковельской, Ровенской, Гощанской, Межирицкой и Корецкой гминах (наименьшая административная единица в Польше, эквивалентна «волости») отмечался рост сторонников украинизации церкви. Польские чиновники считали, что основной причиной распространения украинофильских идей среди верующих и духовенства была агитация отделений «Просвіти». В частности, от-

38. *Кукурудза А.* Демократизація Православя в 20-х р. XX ст. Рівне, 2008. С. 165.

39. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 69–73; *Кралюк П.* Аристократ духу. Арсен Річинський як мислитель і громадський діяч. 10.01.2008 г.

40. *Біланич І.* Еволюція Української Православної Церкви в 1917–1942 роках: автономія чи автокефалія. С. 162–163.

мечалось, что инициативной группой для этой цели издано 10 тысяч листовок, в которых содержалась критика пророссийского духовенства и пропагандировалась необходимость проведения украинизации церкви[41]. При этом лидирующую роль в украинской общественной деятельности на Волыни играли выходцы из Галичины. Они возглавляли большинство украинских культурно-просветительских организаций, издавали украинскую прессу и т. п., а среди местного населения пользовались авторитетом «добрих українців»[42].

С начала 1930-х гг. польские власти, пытаясь оградить волынское население от влияния радикального украинского национализма галичан, запрещают на Волыни деятельность галицких политиков как частным образом, так и через общественно-политические организации. Вместо филиалов «Просвіти» и «Української парламентарної репрезентації», которые подлежали закрытию, на Волыни были организованы альтернативные волынские объединения проправительственного толка: «Волинське українське об'єднання» (ВОУ) и «Українська парламентарна репрезентація Волині» (УПРВ; другое название — «Безпартійний блок співпраці з урядом», ББСУ). Эти организации формировались в основном из выходцев из бывшей Украинской народной республики и поляков, происходивших из Надднепровья. В их рядах, среди самых активных, был известный Стефан Скрыпник[43]. Представители ВОУ и ББСУ вошли в сейм и сенат[44].

41. ГАРО. Ф. 33, Оп. 4, Д. 25? Л. 9, 14; *Кукурудза А.* Демократизація Православя в 20-х р. XX ст. С. 164.

42. ЦГИАЛ, Ф. 358, Оп. 3, Д. 70, Л. 5 об. Проект воссоединения православных Польши с католической церковью, составленный прот. П. Табинским из г. Кременца. 28.07. 1931 г.

43. Стефан Скрыпник — племянник С. Петлюры и его адъютант. В 1930-е годы — депутат польского Сейма, вице-президент архиерейского Синода в генерал-губернаторстве (во время оккупации Польши нацистской Германией в 1939–1941 гг.). С 26 июля 1941 г. — представитель Рейхсминистерства занятых Восточных территорий при группе армий «Юг» и доверенное лицо по вопросам организации гражданского управления на оккупированной Украине. Осенью 1941 г. — заместитель главы Волынской Церковной Рады. 14 мая 1942 г. хиротонисан во епископа Переяславского УАПЦ с именем Мстислав. В 1944 г. эвакуировался в Варшаву, а затем в Бреслау. С 12 октября 1947 г. — архиепископ Филадельфийский, глава Украинской (автокефальной) Церкви за границей. С 1990 г. — «патриарх» Украинской автокефальной православной церкви. Скончался 11.06.1993 г. в США.

44. *Сивіцкий Н.* Історія полько-українських конфліктів. С. 185; *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 76–77.

Упомянутые политические организации в своих программах также во главу угла ставили вопрос церковной украинизации. И. Власовский следующим образом оценивал роль УПРВ:

> В истории украинского национально-церковного движения в Православной Церкви Польши Украинская Парламентарная Репрезентация Волыни играла, без сомнения, наибольшую роль, и наибольшими достижениями, которых во времена Польши достигло это движение, оно обязано Украинской Парламентарной Репрезентации Волыни... Главным предметом здесь является поддержка украинского церковного движения со стороны польского правительства, в сотрудничестве с которым, а не в оппозиции к нему состояли украинские послы и сенаторы Волыни из Беспартийного Блока... Без этой поддержки церковное движение за украинизацию не достигло бы значительных успехов[45].

Вообще вопрос отношения польских властей к украинскому движению и его результатам в межвоенное время весьма интересен. В течение двадцатилетнего периода руководство польского государства преследовало цель ассимиляции непольского населения и особенно наиболее многочисленного украинского меньшинства. В начале 1920-х гг. власти пытались в первую очередь оторвать украинское население от влияния Русской церкви, ради чего инициировали процесс отделения Польской православной церкви от Московского патриархата с обретением ею статуса автокефалии. Они также пытались полонизировать церковную жизнь, а позже окончательно закрепить полонизацию через окатоличивание православного населения. В Польше было распространено убеждение, что неотъемлемой составляющей польскости является католичество, и поэтому польские власти прикладывали немало усилий к обращению православных в католическую веру. При этом они прибегали к различным методам, чаще всего принудительного характера: от ограничения православных в гражданских правах до закрытия православных церквей и отдельных случаев применения насилия к противящимся переходу в католичество.

Несколько улучшилось положение православного населения на Волыни с конца 1928 г., когда Волынским воеводой стал Генрих Юзевский. Он также являлся сторонником ассимиляции,

45. *Власовський І.* Нарис історії Української Православної Церкви. С. 77.

но не «национальной», а «государственной», предполагающей воспитание в украинцах лояльного отношения к государству и сознания принадлежности к нему. Лишь затем, по логике воеводы, должна была произойти постепенная национальная ассимиляция украинцев. Для «государственной ассимиляции» Юзевский старался действовать в национально-культурных интересах украинцев и, в частности, оказывал поддержку украинскому движению в церковной жизни[46]. Очевидно, некоторое смягчение, начиная с 1928 г., позиций церковных властей в отношении украинизаторских процессов было связано с изменением государственного курса.

Активисты украинизаторского движения не упускали возможности воспользоваться изменением политической обстановки на Волыни. В 1931 г. Украинская парламентарная репрезентация Волыни, пользующаяся покровительством польских властей, создала специальную организацию — «Общество им. митр. Петра Могилы», которая проводила украинизацию в Православной церкви в Польше. Интересно, что образование последнего благословили и митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), и епископ Луцкий Алексий (Громадский). Очевидно, что позиция православной иерархии относительно украинизаторских организаций изменилась не без влияния польских властей, поскольку фактически требования, выдвигаемые этой организацией, не отличались от лозунгов предшествующих ей организаций (до 1928 г.), которые не пользовались поддержкой польского правительства. Так, в официальном печатном органе общества «За Соборність» (редактор И. Власовский) пропагандировалась «церковная реформа», которая не ограничивалась темой дерусификации православной церкви, но поднимала вопрос о необходимости изменений в сфере церковного управления в духе местных традиций церковной жизни. В частности, предлагалось ввести выборность приходского духовенства, а также включить мирян в церковное управление на одном уровне с архиереями (в данном случае, очевидно, имелся в виду опыт деятельности православных братств юго-западной Руси, которые имели благословение восточных патриархов). Для проведения этих реформ предполагался созыв Поместного Собора, подготовку к которому взяло на себя

46. *Липский Я. Ю.* Две родины — два патриотизма. Заметки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков (перевод с польск. яз. — В. Британишского) [http://www.mankurty.com/statti/lipsky%20rus. pdf, доступ от, 11.09.2012].

Общество им. митр. Петра Могилы[47]. С целью привлечения внимания верующих к украинизаторской пропаганде и давления на церковную власть (которая, впрочем, благословила деятельность УПРВ) представители УПРВ (Н. Бура, С. Скрипник, Н. Тележинский) проводили откровенно политические акции. Трудно иначе охарактеризовать организованную указанными лицами в Почаевской лавре 10 сентября 1933 г. (день обретения мощей преподобного Иова Почаевского) демонстрацию с привлечением большой группы молодежи. На этот праздник обычно съезжается огромное количество паломников, и в этот день в Почаевской лавре находилось около 20 тыс. человек. К этому дню было также приурочено празднование юбилея митрополита Дионисия — 10-летия его пребывания на митрополичьей кафедре и 20-летия служения на Волынской кафедре. Во время крестного хода над молящимися взвилось несколько десятков желто-голубых флагов, демонстранты развернули транспаранты с требованиями украинизации церкви на Волыни[48]. Вот как описывает эту демонстрацию И. Огиенко — будущий Иларион, архиепископ Православной церкви в генерал-губернаторстве (во время немецкой оккупации):

> Перед окончанием Богослужения два юноши повесили на высокой колокольне длинный украинский желто-голубой флаг. И только флаг развился, как сотни других украинских флагов и транспарантов поднялось по всему монастырскому подворью. Надписи на транспарантах были в основном такие: «Хотим Украинской церкви!», «Хотим только украинского епископата!», «Хотим украинского богослужебного языка!», «Дионисий, вон в Москву!», «Почаевская лавра должна быть украинской!» и т. п. Вот вышла процессия с мощами преподобного Иова. Все юноши с транспарантами стали в два ряда по всему пути. Все епископы, все духовенство, весь народ уставились глазами в надписи, и читают их... Тишина, порядок, набожность... Но вот все закончилось. Духовенство ведет «со славой» митрополита и всех епископов к епископскому дому. Юноши с прапорами и транспарантами стали с обеих сторон долгого пути. И как только показался митрополит Дионисий, как тысячи народа стали выкрикивать: «Дионисий, вон в Москву!» А потом все выкрикивали те лозунги, которые были написаны на их прапорах. Полиция

47. Цит. по: *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 81.

48. Там же. С. 94–95.

> охраняла епископат. Митрополит потерял сознание, и духовенство на руках понесло его в архиерейский дом. А молодежь не прекращала выкрикивать во все голоса...[49].

Закончилась акция митингом за стенами лавры, во время которого снова поднимались вопросы украинизации церкви. Среди выступающих были послы польского сейма С. Скрыпник, Н. Тележинский и И. Головацкий[50].

Современники этих событий считали, что такое выступление украинских националистов в Почаеве было бы невозможно без попустительства со стороны волынского воеводы. Также полагали, что не без содействия последнего митрополит Дионисий после почаевской акции в апреле 1934 года назначил на Волынскую кафедру архиепископа Гродненского Алексия (Громадского), а секретарем Духовной консистории — И. Власовского[51]. Ранее, в 1932 году, также по протекции воеводы Юзевского, получил назначение Луцкий викарный епископ Волынской епархии Поликарп (Сикорский), в прошлом начальник канцелярии Симона Петлюры, известный своими националистическими настроениями[52].

Оба архиерея, пользуясь своим положением, начали принимать меры по украинизации церковной жизни уже изнутри церкви. Эти меры не были столь радикальны, как решения Луцкого съезда мирян, и касались только вопроса богослужебного языка. В результате проведенных архиепископом Алексием (Громадским) кадровых изменений из епархиальных органов были устранены противники украинизации. Следующим шагом стало принятие на Епархиальном собрании в январе 1935 г. следующих постановлений для Волыни: а) проповеди следовало произносить на живом украинском языке; б) обучение Закону Божию в школах должно вестись также на украинском языке; в) украинизацию богослужений проводить на основании предыдущих решений Священного Синода и указов митр. Дионисия (сводившихся в основном к употреблению украинского произношения во вре-

49. *Огієнко І.* Моє життя // Наша культура. 1935. № 7. С. 19.

50. *Кралюк П.* Аристократ духу. Арсен Річинський як мислитель і громадський. 10.01.2008 г.

51. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 97; *Николаев К.* Восточный обряд. Париж, 1950. С. 245.

52. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 101.

мя литургии и к совершению молебнов на украинском языке); г) на родном языке населения вести миссионерскую деятельность и катехизацию; д) во внутреннем управлении в Духовной консистории и на местах использовать украинский язык. Кроме того, было принято решение об издании на украинском языке епархиального церковного вестника «Церква і нарід»[53]. Архиепископ Алексий (Громадский) также посещал приходы своей епархии и разрешал недоумения, возникавшие у верующих, предоставляя возможность самим прихожанам самостоятельно определиться относительно языка богослужения. О своем участии в украинизации Волынской епархии митрополит Алексий (Громадский) в 1942 г. писал Поликарпу (Сикорскому): «В условиях националистического режима в Польше я сумел без всякого шума и эффектности поднять национальную сознательность»[54].

Епископ Поликарп (Сикорский) в деле дерусификации и последующей украинизации церковной жизни в Луцкой епархии проявлял особую горячность. Являясь членом Общества им. Петра Могилы (заведующим богословской секцией) и находясь в тесном сотрудничестве с ВОУ и УПРВ, епископ проводил бескомпромиссные украинизаторские мероприятия, часто вопреки распоряжениям своего церковного начальства и воле верующих. Таким действием стала, например, заранее спланированная провокационная акция в Ровенском соборе в июне 1934 г. Епископ Поликарп при содействии украинских общественных организаций г. Ровно совершил служение литургии на украинском языке (для этого был специально организован хор), которое завершилось столкновением с возмущенными верующими. Поликарп знал, что это деяние может спровоцировать конфликт с духовенством собора (протоиереем Дмитрием Сайковичем и др.) и постоянными прихожанами. Последние, узнав о готовящейся акции, обращались к правящему архиерею Волынской епархии Алексию (Громадскому) с просьбой запретить совершения литургии на украинском языке в их храме. Архиепископ Алексий, со своей стороны, увещевал своего викарного епископа отказаться от задуманного и не нарушать спокойствие среди верующих г. Ровно. Однако епископ Луцкий не внял предупреждениям, и во время богослужения

53. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 103.

54. ГАРО. Ф. Р-281. О. 1. Д. 17. Л. 42. Открытое письмо митр. Алексия еп. Поликарпу, 1942 г. (перевод с укр. яз. — А. Вишиванюк).

в храме произошла потасовка между постоянными прихожанами собора и лицами, прибывшими с Поликарпом[55]. Особенно прихожане негодовали на С. Скрипника, которого считали главным зачинщиком данной акции. Националистическая украинская печать г. Луцка сообщала о «надругательстве и попытке физической расправы» над послом польского сейма С. Скрыпником как о проявлении нетерпимости со стороны промосковски настроенного духовенства г. Ровно (украинские националисты называли эту группу духовенства «рогальщиной» — по имени предыдущего настоятеля собора г. Ровно прот. М. Рогальского)[56]. Не лишены были политического оттенка и служения панихид — самим епископом Поликарпом или с его благословения — по гетману Ивану Мазепе и поэту Тарасу Шевченко[57].

Кроме того, сохранились сообщения о посещениях Поликарпом сельских церквей, во время которых он нередко жестоко обходился со священниками, продолжавшими произносить проповеди на русском языке, на что те жаловались правящему архиерею Волынской епархии[58]. В то же время у современных украинских исследователей можно встретить немало сообщений о том, с каким воодушевлением в некоторых волынских селах верующие встречали епископа Поликарпа, радуясь, что их владыка обращается к ним и совершает молебны на близком и понятном им украинском языке[59].

В конце концов, в 1937 г. архиепископ Алексий (Громадский) официально разрешил совершать в Волынской епархии богослужение на украинском языке. Согласно отчетам благочинных епархии, в конце 1937 г. количество церквей, где использовался украинский язык, значительно выросло. Если ранее таких приходов в Волынской епархии было только 20[60], то теперь из 687 храмов так или иначе украинский язык употреблялся в 415: в 124

55. ЦГИАЛ. Ф. 408, Оп. 1, Д. 787. Повідомлення про конфлікт між парафіянами і священоством у соборі в Рівному з питань мови богослужіння. 1934 р.

56. Чи ще довго на Волині буде «рогальщина»? // Українська нива. Луцьк, 1934. № 20. С. 3; *Рожко В.* Новітні мученики Святого Українського православ'я на історичній Волині (XX ст.). С. 199–200.

57. *Рожко В.* Новітні мученики Святого Українського православ'я на історичній Волині (XX ст.). С. 91–92.

58. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви (1917-1997). С. 236–237

59. *Рожко В.* Новітні мученики Святого Українського православ'я на історичній Волині. С. 91.

60. *Николаев К.* Восточный обряд. С. 247.

церквах богослужение совершалось исключительно на украинском языке; в 40 — поочередно; в 126 — только иногда на украинском; в 99 богослужения совершались на церковнославянском, но чтение Священного Писания, молитв «Отче наш» и «Символа веры» — на украинском; в 26 — на церковнославянском языке с украинским произношением[61].

В конце 1930-х гг. польское правительство сочло масштаб украинского национального движения на Волыни опасным для целостности Польского государства, признав главным виновником этого волынского воеводу Юзевского. Польский генерал Янушайтис в марте 1937 г. следующим образом характеризовал создавшуюся на Волыни ситуацию:

> Раньше было два центра на Волыни; один пропагандировал польскость — это Кременецкий лицей на Волыни, другой, русификаторский, — Почаевская Лавра. Сегодня имеем два украинизационных центра — и Почаев, и лицей, оба служат сегодня украинизации Волыни[62].

В связи с этим в 1938 г. последовало увольнение Г. Юзевского с поста главы Волынского воеводства (крупнейшая административная единица Польши, объединяющая поветы). Была начата кампания по «исправлению ошибок» воеводы с помощью акций «Координационного комитета» (КК), суть которых сводилась к насильственному окатоличиванию православного населения Польши и разрушению православных храмов. Однако меры КК только усиливали среди украинского населения раздражение по отношению к польским властям. Но уже через год политическая и религиозная ситуация в Западной Украине кардинально изменилась в связи с началом Второй мировой войны, падением Польши и присоединением ее украинских областей к Советскому Союзу.

Факты свидетельствуют о том, что инициатива украинизации Православной церкви в Польше в межвоенный период изначально принадлежала представителям малочисленной на Волыни украинской интеллигенции и отдельным представителям волынского клира. После обретения Польской православной церковью автокефалии в церковное украинизаторское движение включи-

61. *Міненко Т., прот.* Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945). С. 104.

62. Цит. по: *Сивіцкий Н.* Історія полько-українських конфліктів. Т. 1. С. 216–217.

лись украинские политические партии, организационные центры которых находились в Галиции. Агитационная деятельность последних постепенно привлекла на сторону украинизации значительную часть духовенства и верующих.

Косвенное влияние на развитие украинизаторских процессов в указанное время оказала жесткая и в то же время непоследовательная политика польских властей, направленная на полонизацию украинского населения (как наиболее многочисленного среди нацменьшинств Польши). Чрезмерное давление на православных верующих с целью их перехода в римско-католический обряд и полонизаторские акции раздражали украинское население, способствуя радикализации украинского националистического движения. С другой стороны, время от времени власти оказывали поддержку украинизаторским процессам в Православной церкви в Польше в противовес прорусским настроениям, что косвенно укрепляло позиции активистов-украинизаторов. Что касается необычного для польской политики отношения к украинскому вопросу волынского воеводы Г. Юзевского, то оно не имело целью противодействие прорусской партии, а скорее являлось попыткой политика-либерала (взгляды которого на вопрос нацменьшинств отличались от генеральной линии польских властей) расположить украинское население к польскому государству путем поддержки его культурной и национальной жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что поляки именовали политику Г. Юзевского не иначе как «волынский эксперимент». В сфере церковной жизни эта позиция воеводы выразилась в том, что с его помощью на епископские кафедры Волыни были назначены сторонники украинизации. Последнее ощутимо сказалось на использовании украинского языка в православном богослужении. Еще более важно то, что одновременно с процессом украинизации богослужения в среде епископата и духовенства росло сочувствие к идее образования самостоятельной Украинской православной церкви. Подтверждением этого является тот факт, что в недолгий период вхождения западноукраинского региона в СССР (1939–1941 гг.) наиболее активные епископы-украинизаторы противились возвращению в юрисдикцию Московского патриархата. В годы немецкой оккупации некоторые из них (в том числе и епископ Поликарп Сикорский) приняли участие в создании «Украинской автокефальной православной церкви» — с точки зрения украинского национализма, важнейшего из атрибутов независимого Украинского государства.

Библиография/References

Архивные материалы

Государственный архив Ровенской области (ГА РО).

Ф. 33 Ровенская городская управа.

Центральный государственный исторический архив г. Львова (ЦГИАЛ).

Ф. 358 Митрополита Андрея Шептицкого.

Ф. 408 Греко-католический митрополичий ординариат.

Литература

Альошина О. Участь Арсена Річинського у русі за українізацію Православної церкви // Історія України. 2010. № 3. С. 29–38.

Біднов В. Справа розмосковлення богослуження // Релігійно-науковий вістник. К., 1921. № 1. С. 7–11.

Біланич І. Еволюція Української Православної Церкви в 1917–1942 роках: автономія чи автокефалія. Львів: Астролябія, 2004.

Борщевич В. Т. Українська православна церква на Волині у 20–40-х рр. XX ст. Автореф. дис. канд. ист. н. Луцьк, 2000.

Власовській І. Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. Київ, 1995. Т. 4.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994.

Кралюк П. Аристократ духу. Арсен Річинський як мислитель і громадський діяч. 10.01.2008 г. [http://www.simya.com.ua/articles/45/8106, доступ от 12.03.2014].

Кукурудза А. Демократизація Православя в 20-х р. XX ст. Рівне, 2008.

Кульчинський Ф., свящ. Дещо з життя Волынського духовенства в першій чверті XX століття. Спогади // Український православний календар на 1965 рік. Бавнд Брук, 1964. С. 111–117.

Липский Я. Ю. Две родины — два патриотизма. Заметки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков (перевод с польск. яз. В. Британишского) [http://www.mankurty.com/statti/lipsky%20rus. pdf, доступ от 11.09.2012].

Міненко Т., прот. Православна Церква в Україні під час другої світової війни (1935-1945): В 3 т. Вінніпег-Львів: Львівский музей історії релігії «Логос», 2000. Т. 1.

Николаев К. Восточный обряд. Париж, 1950.

Николаев К. Правовое положение Святой Автокефальной Православной Церкви в Польше. Варшава: Синодальная типография, 1927.

Огієнко І. Моє життя // Наша культура. 1935. № 7. С. 15–23.

Рожко В. Новітні мученики Святого Українського православ'я на історичній Волині (XX ст.). Луцьк, 2010.

Свитич А. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии (1917–1950). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997.

Сивіцький М. Історія полько-українських конфліктів: В 3 т. Київ: Видавництво ім. О. Теліги, 2005. Т. 1

Смирнов А. Мстислав (Скрипник): громадсько-політичний і церковній діяч 1930–1944. Київ, 2009.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви (1917-1997). М., 1997.

Чи ще довго на Волині буде «рогальщина»? // Українська нива. Луцьк, 1934. № 20. С. 3.

Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002.

Шкаровский М. В. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг.: [Сб. докум.]. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2003.

Aleshina, O. (2010) «Uchast Arsena Richinskogo u rusy za ukrainizatsiu Pravoslavnoy tserkvi» [Participation of Arsen Richynskiy in the Ukrainization of the Orthodox Church], *Istoria Ukrainy* 30: 29–38.

Bidnov, V (1921) «Sprava rozmoskovlennya bogosluzhennya» [The issue of 'de-moscovization' of worship], *Religiyno-naukovyi vystnyk* 1: 7–11. Kiev.

Bilanich, I. (2004) *Evolutsia Ukrai'ns'koy Pravoslavnoy Tserkvi v 1917–1924 rokah: autonomia chy autokephalia* [Evolution of the Ukrainian Orthodox Church in the years 1917–1942: Autonomy or Autocephaly]. Lviv: Astrolyabia.

Borshhevich, V. (2000) *Ukrai'ns'ka pravoslavna tserkva na Volynia u 20–40-h rr.* XX *st.* [Ukrainian Orthodox Church in Volyn in the 1920s — 1940s]. Lutsk.

Vlasovskyi, I. (1995) *Naris istorii Ukrai'ns'koy Pravoslavnoy Tserkvi*, in 4 vol. [Essay on the history of the Ukrainian Orthodox Church], V. 4. Kiev.

Evlogyi (Georgievskyi), mitr. (1994) *Put' moey zhizny* [The Path of My Life], M.

Kraliuk, P. (2008) «Aristokrat duhu. Arsen Richinskyi jak myslitel i gromadskyi diyach» [An aristocrat of the spirit. Arsene Richinsky as a thinker and a public figure] [http://www.simya.com.ua/articles/45/8106, accessed on 12.03.2014].

Kukurudza, A. (2008) *Demokratizatsia Pravoslavja v 20-h rr.* XX *st.* [Democratization of Orthodoxy in the 1920s]. Rivne.

Kulchinskyi, F (svjashh). (1965) «Deshho z zhyttja Volynskogo duhovenstva v pershiy chetverty XX stolittja. Spogady» [Memories of the lives of clergy in Volynia in the first quarter of the 20th century], in *Ukrai'ns'kyj pravoslavnyj kalendar na 1965 rik*, pp. 111–117. Bound Brook.

Lypskyi, Ja. «Dve rodiny — dva patriotizma. Zametki o nacional'noj megalomania i ksenofobii poljakov» [Two homelands, two patriotisms. Notes on national megalomania and xenophobia of the Poles], [http://www.mankurty.com/statti/lipsky%20rus.pdf, accessed on 11.09.2012].

Medrzecki, W. (1988). *Wojewodztwo wolynskie 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, spolecznych i politycznych*. Wroslaw: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich Press.

Minenko, T., prot. (2000) *Pravoslavna tserkva v Ukrainy pid chas drugoyi svitovoiyi vijny (1935-1945)* [Orthodox Church in Ukraine during the Second World War], in 4 vol. V. 1. Winnipeg — Lviv: The Lviv Museum of the History of Religion «Logos».

Nikolaev, K. (1950) *Vostochnyj obrjad* [Eastern Rite]. Paris.

Nikolaev, K. (1927) *Pravovoe polozhenie Svjatoy Autokefalnoj Pravoslavnoj Tserkvi v Polshe* [Legal status of the Holy Autocephalous Orthodox Church in Poland]. Varshava: The Synodal Printing House.

Ogienko, I. (1935) «Moe zhyttja» [My Life], *Nasha kultura* 7: 15–23.

Rozhko, V. (2010) *Novitni mucheniky Svjatogo Ukrainskogo pravoslavja na istorychnij Volyni (*XX *st.)* [New Martyrs of the Holy Ukrainian Orthodox Church on historical Volynia (20th century)]. Lutsk.

Svitich, A. (1997) «Pravoslavnaja Tserkov v Polshe i ee avtokefalija» [The Orthodox Church in Poland and its autocephaly], in *Pravoslavnaja Tserkov na Ukraine i v Polshe v* XX *stoletii (1917-1950)*. M: Krutitskoe Patriarchal Representation.

Sivitskyi, M. (2005) *Istorija polcko-ukrainskyh konfliktiv* [History of the Polish-Ukrainian conflicts.], in 3 vol. V. 1. Kiev: Publishing them. O. Telihy.

Smirnov, A. (2009) *Mstyslav (Skrypnyk): gromadsko-politychnyj i tserkovnij dijach 1930–1944* [Mstislav (Skrypnyck): socio-political and church leaders 1930–1944]. Kiev.

Shkarovskyi, M. (2002) *Nacistskaja Germaniya i Pravoslavnaja Tserkov* [Nazi Germany and the Orthodox Church]. M.

Shkarovskyi, M. (2003) *Politika Tretjego Rejha po otnosheniju k Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi v svete arhivnyh materialov 1935–1945 gg*. [The policy of the Third Reich in relation to the Russian Orthodox Church in the light of archival materials. 1935–1945]. M.: Krutitskoe Patriarchal Representation.

Tsypin, V., prot. (1997) *Istorija Russkoj Tserkvi (1917-1997)* [History of the Russian Church]. M.

«Chy shhe dovgo na Volyni bude „rogal'shhyna"?» [How long shall the «rogalschina» be in Volynia?], *Ukrai'ns'ka nyva* 20 (1934): 3. Luck.